

ДИАЛОГ И.А. ГОНЧАРОВА С В.Г. БЕНЕДИКТОВЫМ (ОБРАЗ МОРЯ ВО «ФРЕГАТЕ “ПАЛЛАДА”»)

Рассматривается вопрос о роли романтических традиций в книге путевых очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Материалом исследования послужил диалог писателя с поэтом В.Г. Бенедиктовым, развернувшийся на страницах «Фрегата “Паллада”» и поэтических посланий романтика вокруг содержания и поэтики образа моря.

Ключевые слова: Гончаров; Бенедиктов; романтизм; реализм; море.

В художественном мире И.А. Гончарова, отличающемся эпической полнотой реального изображения картин русской жизни и глубоким постижением духовных основ национального характера, важную роль играют мотивы и образы, имеющие большую традицию в романтическом искусстве. Таков образ моря (морской стихии), получивший в романтической поэзии значение символа духовной раскрепощенности и свободы. Исследователи творчества Гончарова указали на глубокую и диалектически сложную связь реалистической эстетики писателя с романтизмом [1. С. 304–316; 2. С. 34–39; 3. С. 197–214; 4. С. 3–24; 5. С. 18–81].

Автор целого ряда стихотворений 1830-х гг., выполненных в романтическом ключе («Отрывок», «Тоска и радость», «Роман» и др.), Гончаров в 1840-е гг. активно включился в полемику с романтизмом, не отрицая при этом значения его нравственно-этических и художественных открытий. Размышляя над процессами духовного развития современного общества, Гончаров наделяет главных героев всех трех своих романов – Адуева, Обломова и Райского – романтическими чертами. Объективная позиция в изображении героев романтического типа открывала возможность показать ограниченность романтического понимания жизни, вступавшего в противоречия с требованиями реальной действительности, и в то же время акцентировать важность и потребность идеалов, утверждать гуманистический пафос, в высшей степени свойственный романтическому искусству.

В книге «Фрегат “Паллада”», написанной в 1856 г., Гончаров поставил важнейшие проблемы общественного, нравственно-этического содержания современной жизни и рассмотрел их в широком философском аспекте [5. С. 45–53, 135–138, 144–147; 6. С. 4–56], что в свою очередь предопределило включение в процесс авторского осмысления мотивов и образов, имевших глубокую, многообразную и богатую разработку в творчестве романтиков.

При описании моря во «Фрегате “Паллада”» повествователь называет имена романтиков – поэтов и прозаиков: Байрона, А.С. Пушкина, В.Г. Бенедиктова¹, А.Н. Майкова, А.А. Бестужева-Марлинского, Ф. Купера, Ф. Марриета. Творчество каждого из этих писателей в контексте изучения «Фрегата “Паллада”» может быть предметом специального исследования. В данной статье материалом для анализа проблемы романтических традиций в художественном живописании Гончарова послужил диалог писателя-реалиста с поэтом-романтиком В.Г. Бенедиктовым.

Выбор поэзии Бенедиктова, в частности стихотворений, посвященных морской теме, объясняются репрезентативностью эстетики и его творческой манеры как романтического поэта, унаследовавшего опыт европейской и русской романтической поэзии и хронологически завершающего период расцвета романтизма в России [8. С. 92–103; 9. С. 24–32].

Гончарова с Бенедиктовым связывали дружеские отношения с момента их знакомства в 1836 г. Поэт и переводчик Бенедиктов был желанным и постоянным гостем майковского кружка, сотрудником журнала «Подснежник» и альманаха «Лунные ночи». Гончаров относился к творчеству своего товарища с большим вниманием. Он нередко защищал поэта от нападок В.Г. Белинского, который видел в Бенедиктове поэта «второго литературного ряда», подражателя гения Пушкина, эпигона романтизма [10. С. 360–370].

В мемуарных «Заметках о личности Белинского» (1880) Гончаров дает оценку Бенедиктову и его творчеству: «Вычурность некоторых стихотворений, в самом деле, поразительная при таланте и уме Бенедиктова, делала его каким-то будто личным врагом Белинского. Зная лично Бенедиктова как умного, симпатичного и честного человека, я пробовал иногда спорить с Белинским, объяснял обилием фантазии натяжки и преувеличения во многих стихотворениях, – указывал, наконец, на мастерство стиха и проч.» [11. С. 82]. В 1838 г. Бенедиктов пишет стихотворение «Море», показательное с точки зрения следования поэта за своими предшественниками в разработке морской темы и образа моря. Сравнение стихотворения с одноименной элегией В.А. Жуковского показывает, что стихотворение Бенедиктова написано по мотивам «Моря» Жуковского, что проявилось в лирико-философском характере авторской концепции и в поэтике произведения, основанной на антитезе, организуемой хронотоп, цвет, звук, размер стиха, ритм. «Обилие фантазии» Бенедиктова проявилось в богатстве, порой излишестве, способов выражения поэтом романтической концепции философии природы.

Таким образом, стихотворение Бенедиктова, контаминировавшее опыты романтиков в разработке мотивов и образов морской стихии, могло быть для Гончарова в определенном смысле эталонным, а сам поэт воспринимался как достойный представитель избранного круга поэтов, писавших о море. Тем значительнее представляется созданный Гончаровым и Бенедиктовым вокруг книги «Фрегат “Паллада”» морской метатекст. Два стихотворения Бенедиктова – посла-

ния поэта «И.А. Гончарову (перед кругосветным его путешествием) «И оснащен и замыслами полный...» (опубликовано после возвращения Гончарова из путешествия в 1856 г.) и «И.А. Гончарову» («Недавно, странник кругосветный...» 1858), обрамляют «морской текст» в книге Гончарова, в частности, ее третья часть («Плавание в Атлантических тропиках»), прямо адресованную поэту: «Письмо к В.Г. Бенедиктову». Она открывается обращением к Бенедиктову: «В поэтическом и дружеском напутствовании вы указали мне, Владимир Григорьевич, обогнуть земной шар. Я не обогнул еще и четверти, а между тем мне захотелось уже побеседовать с вами на необъятной дали, среди воли, на рубеже Атлантического, Южнополярного и Индийского морей, когда вокруг все спит, кроме вахтенного офицера, меня и океана. Мне хочется проверить, так ли далеко “слышен сердечный голос”, как предсказали вы?» [7. С. 101]. Так начинается разговор о море и искусстве его живописания. Гончаров как бы дискуссионно ставит проблему «поэзии» и способов ее воссоздания в современной литературе, имея в виду романтиков и реалистов, с тем, чтобы далее в главе развернуть свое толкование понимания этого «синтеза»: «Где искать поэзии? Одно анализируется, изучено и утратило прелесть тайны, другое прискучило, третье оказалось ребячеством. Куда же делась поэзия и что делать поэту? Он как будто остался за штатом. Надеть ли поэзию, как праздничный кафтан, на современную идею или по-прежнему скитаться с ней в родимых полях и лесах, смотреть на луну, нюхать розы, слушать соловьев или, наконец, идти с нею сюда, под эти жаркие небеса? Научите» [Там же. С. 102].

Ответом Бенедиктова на книгу Гончарова было его послание «И.А. Гончарову «Недавно, странник кругосветный...» 1858), в котором поэт, вернувшийся из поездки по горной Швейцарии и восхитившийся ее красотой (горы сравнимы в воображении поэта только с морем – «тронул море лишь слегка» [12. С. 157]), дает удивительно точную и полную характеристику художественной манеры Гончарова-мариниста. Бенедиктов отмечает эпическую полноту картин («Все отразилось под размахом разумно-ловкого пера»), тонкость и точность в передаче вечно меняющейся водной стихии («Все переломы, перегибы»), поэтические антитезы («живое веянье пассата и всемертвящий знойный штиль»), масштабность хронотопа – от моря до неба («всплеснулись к небу эти волны»), богатство цветовой палитры («...снежной пенясь белизной», «море золотом горит»)².

Диалектическое отношение Гончарова к романтической эстетике в полной мере проявилось в характере понимания им содержания и поэтики образа моря, создаваемого в третьей части «Фрегата “Паллада”». Образ моря в книге Гончарова, как и у романтиков, включен, наряду с другими образами (неба, облаков, звезд, ночи и пр.), в единую модель природы. Переписка с Бенедиктовым о содержании «конкретного» художественного образа становится стартовой площадкой для дискуссии по важным эстетическим проблемам. Полемика Гончарова начинается

уже во второй части книги: «Мне хотелось познакомиться с океаном. Я уже от поэтов знал, что он “безбрежен, мрачен, угрюм, беспределен, неизмерим и неукротим” <...> “Где же он неукротим?” – думал я опять. <...> Могуч, мрачен – гм! посмотрим, посмотрим» [7. С. 123].

В третьей части в диалоге с Бенедиктовым спор перерастает в дискуссию по важнейшему вопросу эстетики – о критерии прекрасного в искусстве. Гончаров возражает против романтического понимания прекрасного как исключительного, «праздничного и поразительного» [Там же]. На предполагаемый вопрос романтика: «Ну, что море, что небо? какие краски? <...> Как всходит и заходит заря? как сияют ночи? Все прекрасно – не правда ли?», Гончаров дает развернутое рассуждение, смысл которого заключается в утверждении красоты в обыкновенном и ежедневном: «А позвольте спросить: разве есть что-нибудь не прекрасное в природе? Отыщите в сердце искру любви к ней, подавленную гранитными горами, сном при свете солнечном и беготней в сумраке и при свете ламп, раздуйте ее и тогда попробуйте выкинуть из картины какую-нибудь некрасивую местность. По крайней мере со мной, а с вами, конечно, и подавно, всегда так было: когда фальшивые и ненормальные явления и ощущения освобождали душу хоть на время от своего ига, когда глаза, привыкшие к стройности улиц и зданий, на минуту, случайно, падали на первый болотный луг, на крутой обрыв берега, всматривались в чащу соснового леса с песчаной почвой: как полюбишь каждую кочку, песчаный косогор и поросшую мелким кустарником рытвину» [7. С. 139].

Выводом, закрепляющим принципы реалистической эстетики, становится предложение Гончарова Бенедиктову искать красоту, разлитую в близком окружающем мире: «Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы – не ходите за ними под тропики: рисуйте небо везде, где его увидите, рисуйте с торцовой мостовой Невского проспекта, когда солнце, излив огонь и блеск на крыши домов, протечет через Аничков и Полицейский мосты, медленно опустится за Чекуши <...>. Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорош и Финский залив, как зеркало в богатой раме: и там блестят, играя, жемчуг, изумруды...» [Там же. С. 104].

Рисуемый на фоне этого размышления пейзаж, в который включено и море, носит подчеркнуто прозаический характер: «Вот морская карта: она вся испещрена чертами, точками, стрелками и надписями. <...> Каждый день во всякое время смотрел я на небо, на солнце, на море – и вот мы уже в 14° широты, а небо все такое же, как у нас <...> Лучи теряют свою жгучую силу на море. Кроме того, палубу смачивали водой и над головой натягивали тент <...>» [Там же]. Гончаров прибегает к игре-шутке, снижая патетику стилистическим симбиозом пушкинского стиха с описанием прозаических обстоятельств: «22 января Л.А. П<опов>, штурманский офицер, за утренним чаем сказал: “Поздравляю: сегодня в восьмом часу мы пересекли северный тропик”. – “А я ночью озяб”, – заметил я. “Как так?” – “Так, взял да и озяб: видно, кто-

нибудь из нас охладел, или я, или тропики”. Я лежал легко одетый под самым люком, а “ночной зефир струил эфир” прямо на меня» [7. С. 103].

Подтверждением значимости для Гончарова развития принципов реалистической эстетики служит письмо писателя к другу И.И. Льховскому, отправившемуся в путешествие после Гончарова. В письме (1859) писатель призывает Льховского описывать увиденное правдоподобно, без романтического преувеличения: «Вы смотрите умно и самостоятельно, не увлекаясь, не ставя себе в обязанность подводить свое впечатление под готовые и воспетые красоты. Это мне очень нравится: хорошо, если бы Вы провели этот тон в Ваших записках и осветили всё взглядом простого, не настроенного на лад ума и воображения...» [14. С. 268].

Однако полемика с романтиками – это лишь одна сторона позиции Гончарова. Другая связана с восхищением писателя «чутким поэтическим чувством» [7. С. 124] романтиков, их устремленностью к идеалу. Диалогичность, присущая художественному мироощущению Гончарова, распространяется не только на романтиков, но и на реалистов, теряющих порой в своей приверженности к прозе свойственное романтизму умение удивляться и восхищаться чудесным в мире: «<...> стыдимся этих чудес, торопливо стараемся разоблачить чудо от всякой поэзии, боясь, чтоб нас не заподозрили в вере в чудо или младенческим влечением к нему: мы выросли и оттого предпочитаем скучать и быть скучными» [Там же. С. 101]. В плане глубокого интереса и симпатии Гончарова к романтизму следует указать на доброжелательный тон диалога с Бенедиктовым, источником которого были не только обстоятельства их личной дружбы, но более всего – «воображение и краски» [Там же], отличающие искусство поэта-романтика. Признанием ценности высокого пафоса романтиков и художественного совершенства их искусства завершается «Письмо к В.Г. Бенедиктову» – третья часть «Фрегата “Паллада”»: «Берегите же, любезный друг, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, как эти небеса язык, язык богов, которым только и можно говорить о здешней природе, и спешите сюда, – а я винюсь в своем бессилии и умолкаю!» [Там же. С. 124].

Использование романтической поэтики во «Фрегате “Паллада”» обусловлено близостью нравственно-философской концепции Гончарова романтическим представлениям о природе и человеке. Наиболее ярко эта близость проявилась в изображении моря (мор-

ской стихии) как концепта, включающего в себя многообразные явления природы и представляющего модель универсальной целостности мира. Не случайно море предстает в стихотворении Бенедиктова и во «Фрегате “Паллада”» центром панорамы, которая сравнивается с живописной картиной: «Лазурное море – зеркало природы / Безрамной картиной лежит предо мной» [12. С. 185]. И Гончаров называет морские пейзажи картинами, подобными полотнам изобразительного искусства: «Когда мы обогнули восточный берег острова и повернули к южному, нас ослепила великолепная и громадная картина (курсив автора. – К.П.), которая как будто поднималась из моря, заслонила собой и небо, и океан, одна из тех картин, которые видишь в панораме, на полотне, и не веришь, приписывая обольщению кисти» [7. С. 186].

Образ моря выступает у Гончарова, как и у поэтов-романтиков, в том числе и Бенедиктова, символом мироздания в его вечном движении. Созданию романтического ореола бесконечности и величия созданного Богом мира служит хронотоп. Море рисуется как беспредельная во времени и пространстве стихия. Подобно Бенедиктову («Отрадна, мила мне твоя бесконечность; / В тебе мне открыта красавица — вечность» [8. С. 185]), Гончаров постоянно упоминает о бескрайности просторов моря: «Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сияние красок на необозримом окружающем нас поле вод» [7. С. 105].

Важнейшую роль, как и у романтиков³, играет цветовая гамма, богатством и разнообразием которой передается торжество и мощь сил природы. Именно с «открытия» повествователем цвета морской глади начинается создание образа моря по канве романтического узора: «Море... Здесь я в первый раз понял, что значит “синее” море, а до сих пор я знал об этом только от поэтов, в том числе и от вас. Синий цвет там, у нас, на севере – праздничный наряд моря. Там есть у него другие цвета, в Балтийском, например, желтый, в других морях зеленый, так называемый аквамаринный. Вот, наконец, я вижу и синее море, какого вы не видали никогда. Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнце и в тени. Не устаешь любоваться, глядя на роскошное сияние красок на необозримом окружающем нас поле вод» [Там же]. Затем последуют множественные зарисовки моря и неба над ним, включающие всякий раз яркую цветовую палитру, перекликающуюся с бенедиктовской:

У В.Г. Бенедиктова	У И.А. Гончарова
Солнце в облаке играет, Запад пурпуром облит, Море солнца ожидает, Море золотом горит [12. С. 187].	«Океан в золоте или золото в океане...» [7. С. 121].
Входит в пурпурную спальню, Где раскинулась заря <...> [Там же. С. 188].	«На западе еще золото и пурпур, а на востоке сверкают и блещут уже миллионы глаз» [Там же. С. 123].
Море злата не глотает, Отшибает блеск луча <...> [Там же. С. 187]. Море – тихо, и блещит, Но под ясною улыбкой думу темную таит [8. С. 186].	«...этот блеск неба в его фантастическом неопisanном уборе...» [Там же. С. 121]; «Через час солнце блистало по-прежнему...» [Там же. С. 116].

В основе изображения картин моря в книге Гончарова, как и в стихотворениях романтиков, лежит принцип антиномии, выражающий идею вечного движения как закона жизни. Море у Гончарова предстает в разных состояниях – бури и штиля, дня и ночи, утра и вечера⁴,

но в любое время – оно живое. В описаниях пейзажей с морской бурей Гончаров, как и Бенедиктов, передает мощь взыгравшей стихии через сравнение волн со зверем (у Бенедиктова – с гигантом), усиливая динамичность картины богатством глагольных форм:

В.Г. Бенедиктов	И.А. Гончаров
<p>Вихорь! Взрыв! – Гигант <i>проснулся</i>, <i>Встал</i> из бездны мутный вал, <i>Развернулся</i>, <i>расплеснулся</i>, <i>Закипел</i>, <i>заклокотал</i>. Как боец, он <i>озирает</i> Взрытых волн степную ширь, <i>Рыщет</i>, <i>пенился</i>, <i>сверкает</i> – Среброглавый богатырь! [12. С. 187]. (курсив мой. – К.П.)</p>	<p>«Огромные холмы с белым гребнем, с воем <i>толкая</i> друг друга, <i>встают</i>, <i>падают</i>, опять <i>встают</i>, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей дерется в остервенении, только брызги, как дым, <i>поднимаются</i> да стон носится в воздухе. Фрегат <i>взберется</i> на голову волны, <i>дрогнет</i> там на гребне, потом <i>упадет</i> на бок и <i>начинает скользить</i> с горы, <i>спустившись</i> на дно между двух бугров, <i>выпрямится</i>, но только затем, чтоб тяжело <i>перевалиться</i> на другой бок и <i>лезть</i> вновь на холм» [7. С. 76].</p>

Образ моря получает глубокое философское наполнение благодаря включению человека в мир природы. На резком контрасте состояний моря основано развитие лирического действия в стихах романтиков. В прозе Гончарова антиномии штиля и бури соотносятся с «философией покоя» (самопогружение, созерцание) и философией вечного движения, составляющих вместе основу духовной жизни человека. В книге очерков автор-повествователь описывает сон природы в традициях романтического представления, где природные объекты представлены в образе девы,

возлюбленной: «Покой неба и моря – не мертвый и сонный покой: это покой как будто удовлетворенной страсти, в котором небо и море, отдыхая от ее сладостных мучений, любят взаимно в объятиях друг друга. Солнце уходит, как осчастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице» [7. С. 121]. Тот же художественный прием встречается в стихотворении Бенедиктова: «И небеса и море дремлют, / И ночь, одянную мглой, / Как деву смуглую объемлют / И обнялись между собой» [12. С. 187].

Развитие мотива покоя в книге Гончарова перекликается со стихами Бенедиктова:

У В.Г. Бенедиктова	У И.А. Гончарова
<p>Люблю твою тишь я: в ней царствует нега; На ясное, мирное лоно твое Смотрю я спокойно с печального брега, И бьется отраднее сердце мое [12. С. 186].</p>	<p>«Покойно, правда, было плавать в этом безмятежном царстве тепла и безмолвия» [7. С. 117].</p>
<p>И небеса и море дремлют, И ночь, одянную мглой, Как деву смуглую объемлют И обнялись между собой [Там же. С. 187].</p>	<p>«Покой неба и моря – не мертвый и сонный покой: это покой как будто удовлетворенной страсти, в котором небо и море, отдыхая от ее сладостных мучений, любят взаимно в объятиях друг друга. Солнце уходит, как осчастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице» [Там же. С. 121].</p>

Однако залогом совершенствования могут быть только внутренняя неуспокоенность, вечное стремление к недостижимому совершенству, в чем жизнь человека уподобляется у Гончарова, как и романтиков, вечному движению морских волн. Гончаров развивает один из сокровеннейших мотивов романтической поэзии – мотив «невыразимого», связывая его с темой тайны божественного предопределения и красоты, непостижимой для человеческого разума: «Всё кажется, что среди тишины и живой, теплой мглы раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голос. Чего-то ждешь, о чем-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни определить, ни высказать не можешь. Только сердце трепещет от силы необъяснимого, страстного ощущения: даже нервам больно!» [7. С. 255]⁵.

Передача сложного чувства причастности лирического героя поэтов-романтиков и повествователя «Фрегата “Паллада”» к природе, дающее ощущение покоя и одновременно драматического переживания отторженности от нее, невозможности постичь ее тайну, становится способом психологического анализа.

Один из значимых факторов в создании пейзажей Гончарова связан с восприятием окружающего мира. При создании живописных пейзажей психологическое и поэтическое дополняют друг друга. Гончаров и Бенедиктов используют прием антропоморфизации⁶. Морская стихия у повествователя очерков олицетворена: «Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, встают, падают, опять встают...» [7. С. 76]. Море (океан) воспринимается во «Фрегате

“Паллада” как живое существо, обладающее своим нравственным характером. Повествователю хочется приблизиться к водной стихии, понять и разгадать ее: «Я целое утро не сходил с юта. Мне хотелось познакомиться с океаном» [7. С. 70]. В стихотворении «Море» стихии приписываются человеческие черты: море думает, мучается сном, хочет взрывать и т.д.

Морская стихия оказывается родственной, близкой лирическому герою и повествователю. В стихотворении «Море» Бенедиктов обозначает стихию личным местоимением «ты», тем самым указывая на тесную связь и близость человеку: «О море! – ты дремлешь, ты сладко уснуло»; «Ты, море жизни, ты – Божье зеркало» [12. С. 188]. У Гончарова находим следующее: «И вот *ты* (курсив автора. – К.П.) морская даль!» [7. С. 121]. Психологизм морских пейзажей раскрывается в прямом разговоре повествователя с водной стихией. Спокойное состояние природы связано с моментом диалога: «Всё кажется, что среди тишины зреет в природе дума, огненные глаза сверкают сверху так выразительно и умно, внезапный, тихий всплеск воды как будто промолвился ответом на чей-то вопрос» [Там же. С. 103]. Эмоциональное состояние при восприятии моря влияет на внутренний мир и душу повествователя: «...кажется, душа повергается в такую торжественную и безотчетно сладкую думу, так поражается она картиной прекрасного, величественного покоя. Картина оковывает мысль и чувство <...>» [Там же. С. 120].

Внутренний мир лирического героя Бенедиктова также раскрывается во взаимодействии с морем. Созерцание, погружение в стихию рождает в душе героя разнообразные чувства: «Смотрю я спокойно с печального берега, / И бьется отраднее сердце мое» [12. С. 186]; «Угрюмый, от берега прочь отхожу я» [Там же. С. 187]. Таким образом, психологический фактор становится одним из основных в создании живописных картин природы в книге путевых очерков «Фрегат “Паллада”» и в стихотворении «Море» Бенедиктова. Созерцание моря связывается с погружением в собственный внутренний мир, подвижный, отражающий процессуальность, переливы, переходы в настроении человека и морской стихии.

Для повествования Гончарова характерно использование романтической стилистики: повышенная эмоциональность, риторические вопросы, восклицания, прямые обращения к природе («Чудес, поэзии!»

[3. Т. 2. С. 71]; «Боже мой! Даром пропадают здесь эти ночи...» [7. С. 168]; «Море? И оно обыкновенно во всех своих видах» [Там же. С. 46].

Антиномичность образа моря как стихии вечного движения, обновления носит концептуальный характер и распространяется на все образы и мотивы, соприкасающиеся с темой морского путешествия. Таков повествователь – морской путешественник, «человек судьбы» [18. С. 89–118], в котором трезвое и реальное видение окружающего «взрывается» полетом творческой фантазии, уступая графическую точность рисунка «поэтическому чувству»: «На этом пламенно-золотом, необозримом поле лежат целые миры волшебных городов, зданий, башен, чудовищ, зверей – всё из облаков. Вот, смотрите, громада исполинской крепости рушится медленно, без шума; упал один бастион, за ним валится другой; там опустилась, подавляя собственный фундамент, высокая башня, и опять всё тихо отливается в форму горы, островов с лесами, с куполами. Не успело воображение воспринять этот рисунок, а он уже тает и распадается, и на место его тихо воздвигся откуда-то корабль и повис на воздушной почве; из огромной колесницы уже сложился стан исполинской женщины; плеча еще целы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда; на нее напирает и поглощает всё собою ряд солдат, несущихся целым строем. Изумленный глаз смотрит вокруг, не увидит ли руки, которая, играя, строит воздушные видения. Тихо, нежно и лениво ползут эти тонкие и прозрачные узоры в золотой атмосфере, как мечты тянутся в дремлющей душе, слагаясь в пленительные образы и разлагаясь опять, чтоб слиться в фантастической игре...» [7. С. 122].

Таким образом, изучение диалога И.А. Гончарова с В.Г. Бенедиктовым, развернувшегося на страницах «Фрегата “Паллады”», имеет важное значение для понимания глубинных связей русского писателя с романтизмом. Процесс утверждения реалистических принципов Гончаровым включал в себя творческое освоение художественного опыта романтического искусства. Развитие морского сюжета оказалось ключевым в содержании и поэтике Гончарова-мариниста. Образ морской стихии получит развитие в двух последующих после «Фрегата “Паллада”» романах, обогатив их содержание философским смыслом и поэзией, унаследованными Гончаровым от поэтов-романтиков, среди которых был и В.Г. Бенедиктов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «В этом расположении я выбрался из каюты, в которой просидел полторы суток, неблагоприятно взглянул на океан и, пробираясь в общую каюту, мысленно поверял эпитеты, данные ему Байроном, Пушкиным, Бенедиктовым и другими – “угрюмый, мрачный, могучий”, и Фаддеевым – “сердитый”. “Соленый, скучный, безобразный и однообразный!” – прибавил я к этому списку, сходя по трапу вниз, – заладил одно – и конца нет!» [7. С. 82].

² К заключительному аккорду диалога Гончарова с Бенедиктовым на морскую тему можно отнести пометы писателя на подаренной ему книге [13]. На форзаце первого тома чернилами сделана надпись: «Ивану Александровичу Гончарову от душевно ему преданного автора». Пометы в первом и втором томах демонстрируют пристальный интерес Гончарова к пейзажным стихотворениям, имеющим отношение к морской теме. Гончаров подчеркивает линией название стихотворения «Кудри» (1835), в котором живость и обаяние молодой женщины сравниваются с красотой морских волн:

Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые –
Юной прелести венец!
Вами юноши пленялись

И мольбы их выражались
 Стуком пламенных сердец,
 Но снедаемые взглядом,
 И доступны лишь ему,
 Вы ручным бесценным кладом
 Не дали никому:
 Появились, порезвились –
 И, как в море вод хрусталь,
 Ваши волны укатились
 В неизведанную даль! [13. С. 20].

В оглавлении отмечено стихотворение «Озеро» (1836), привлекающее внимание писателя, скорее всего, обращением к водной стихии. Образ озера в стихотворении Бенедиктова напрямую соотносится с образом моря:

Я видел – синелась, шумела вода, –
 Далеко, далеко, не знаю куда,
 Катились все волны да волны [Там же. С. 40].

Бенедиктов называет озеро «пенистой влагой», говорит о том, что озеро воспитало в нем волю и отвагу. Поэт воспекает его красоту, отмечает влияние на свой внутренний мир:

Нет, врезалось, озеро, в память ты мне!
 В твоей благодатной, святой тишине,
 В твоём бушеваньи угрюмом –
 Душа научилась кипеть и любить,
 И ныне летела бы ропот свой слить [Там же. С. 41].

³ См. у Жуковского: «Лазурное море», «Ты льешься его светозарной лазурью», «Ласкаешь его облака золотые!» и т.д. [15. С. 25].

⁴ «Вид пролива и обоих берегов поразителен под лучами *утреннего* солнца. Какие мягкие, нежащие глаз цвета небес и воды! Как ослепительно ярко блещет солнце и разнообразно играет лучами в воде! В ином месте пучина кипит золотом, там как будто горит масса раскаленных угольев: нельзя смотреть; а подальше, кругом до горизонта, распростерлась лазурная гладь. Глаз глубоко проникает в прозрачные воды» [7. С. 297].

«Жар несносный; движения никакого, ни в воздухе, ни на море. Море – как зеркало, как ртуть: ни малейшей ряби. Вид пролива и обоих берегов поразителен под лучами утреннего солнца. Какие мягкие, нежащие глаз цвета небес и воды! Как ослепительно ярко блещет солнце и разнообразно играет лучами в воде! В ином месте пучина кипит золотом, там как будто горит масса раскаленных угольев: нельзя смотреть; а подальше, кругом до горизонта, распростерлась лазурная гладь. Глаз глубоко проникает в прозрачные воды. Земли нет: всё леса и сады, густые, как щетка. Деревья сошли с берега и теснятся в воду. За садами вдали видны высокие горы, но не обожженные и угрюмые, как в Африке, а все заросшие лесом» [Там же. С. 247].

«Вечер был лунный, море гладко как стекло; шкуна шла под малыми парами. У выхода из Фальсбея мы простились с Корсаковым надолго и пересели на шлюпку. Фосфорный блеск был так силен в воде, что весла черпали как будто растопленное серебро, в воздухе разливался запах морской влажности. Небо сквозь редкие облака слабо теплилось звездами, затмеваемыми лунным блеском. Половина залива ярко освещалась луной, другая таилась в тени» [Там же. С. 221].

«Ночь тиха; кругом, на чистом горизонте, резко отделялись черные силуэты пиков и лесов и ярко блистала зарница – вечное украшение небес в здешних местах. Прямо на голову текли лучи звезд, как серебряные нити. Но вода была лучше всего: весла с каждым ударом черпали чистейшее серебро, которое каскадом сыпалось и разбегалось искрами далеко вокруг шлюпки» [Там же. С. 260].

⁵ См. у В.А. Жуковского: «Что движет твое необъятное лоно? / Чем дышит твоя напряженная грудь? / Иль тянет тебя из земныя неволи / Далекое, светлое небо к себе?» [15. С. 36]. Стоит заметить, что Жуковский и его художественное творчество волновали Гончарова с самого детства. А.П. Рыбасов, автор биографической книги о Гончарове, отмечает пристальный интерес молодого писателя к фигуре первого русского романтика: «В возрасте пятнадцати-шестнадцати лет Гончаров познакомился с сочинениями Жуковского. <...> Под обаянием его (Жуковского. – К.П.) романтической, “мечтательной, таинственной и нежной” поэзии находился некоторое время и Иван Гончаров» [16. С. 21].

⁶ В книге «Вода и грёзы» Г. Башляр указывает на то, что «вода предстает перед нами как тотальное существо: у нее есть тело, душа, голос. Возможно, более, чем какая-либо иная стихия, вода есть цельная поэтическая реальность [17. С. 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров и русский романтизм 20–30-х годов. М. : Изд-во АН СССР, 1975. Т. 34, № 4. Сер. лит. и яз.
2. Тихомиров В.Н. «Небывалый приток фантазии»: О романтической лексике в романе «Обрыв» // Русская речь. М., 1975. № 3.
3. Жилиякова Э.М. И.А. Гончаров и В. Скотт (некоторые наблюдения) // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. Вып. 13.
4. Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994.
5. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
6. Васильева С.А. Философия истории в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
7. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 2.
8. Гинзбург Л.Я. Из литературной истории Бенедиктова. Белинский и Бенедиктов // Поэтика : сб. статей. М. : Academia, 1927.
9. Гинзбург Л.Я. О месте и значении поэзии Бенедиктова в русской литературе // Бенедиктов. Стихотворения. Л. : Библиотека поэта, 1939.
10. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : в 4 т. М., 1953. Т. 1.
11. Гончаров И.А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1952.
12. Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1939.
13. Бенедиктов В.Г. Стихотворения 1835–1842 : в 3 т. СПб., 1856.
14. Гончаров И.А. Собр. соч. : в 8 т. М. : ГИХЛ, 1952–1955. Т. 8.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 1999–2009. Т. 2.
16. Рыбасов А.П. Гончаров И.А. (ЖЗЛ). М., 1957.
17. Башляр Г. Вода и грёзы. Опыт о воображении материи / пер.с фр. Б.М. Скуратова. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998.
18. Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. М. : Радикс, 1993.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 февраля 2016 г.

DIALOGUE BETWEEN I.A. GONCHAROV AND V.G. BENEDIKTOV (THE IMAGE OF THE SEA IN *THE FRIGATE PALLADA*)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 15–21. DOI: 10.17223/15617793/404/2

Pavlovich Kristina K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

Keywords: Goncharov; Benediktov; romanticism; realism; sea.

The article discusses the role of the romantic tradition in the book of travel essays by I.A. Goncharov *The Frigate Pallada*. A dialogue between the writer and poet V.G. Benediktov which can be found in *The Frigate Pallada* and in poetic letters discussing the content and the poetic image of the sea served as the material for the study. Features of Goncharov's art were formed in the early 1840s, at the times of the crisis of romanticism and the birth of a new realistic method of depicting reality. Many researchers of Goncharov's art point at the connection between the writer's work and the legacy of romanticism. One of romanticists, a poet famous as a master in creating the image of the sea, was V.G. Benediktov. In 1838, Benediktov wrote a poem "The Sea". Considering the fact that the two poets got acquainted two years earlier, Goncharov was undoubtedly familiar with this poem and Benediktov was one of the poets who wrote about the sea. In the poem by Benediktov the image of the sea is represented in all its artistic diversity. His images of the sea resemble the seascapes in *The Frigate Pallada*. Both Goncharov and Benediktov picture widely epic seascapes. The main thing that unites Goncharov's seascapes with those by romanticists is the philosophical understanding of the elements and the psychological factors that influence the perception of the sea. Benediktov's poem became a model for Goncharov, in a sense that in "The Sea" Benediktov draws on the traditions of Russian and European literature, combining basic techniques for the picturing of the seascape. Benediktov's poems were inspired by the works of Zhukovsky, Byron and Pushkin. In his book of travel essays *The Frigate Pallada*, Goncharov enters into controversy with romanticists, which does not exclude a deep interest in the romantic style of the image of the sea. The main provisions of Goncharov's art discrepancies with the tradition of romanticists can be found in a letter to Benediktov ("Swimming in the Atlantic tropics"). Notes made by Goncharov on the pages of *Works* by Benediktov are of particular importance for the study. It is impossible to determine whether Goncharov read the aforementioned poem before his departure to travel around the world or not, because the three volumes by Benediktov were published in 1856, a year after the end of Goncharov's voyage. One thing is clear: Goncharov had a particular interest in the images of nature in the works by romanticists. In Goncharov's seascapes the traditions of antiquity, romanticism, realistic art and nonfiction are combined. The feature of his seascapes is associated with the synthesis of different traditions. The idea of spiritual development as an immutable axiom of human existence was the basis for Goncharov's deep sympathy to philosophy and poetry of romantic poets.

REFERENCES

1. Krasnoshchekova, E.A. (1975) *I.A. Goncharov i russkiy romantizm 20–30-kh godov* [I.A. Goncharov and the Russian romanticism of the 20s–30s]. Moscow: USSR AS.
2. Tikhomirov, V.N. (1975) "Nebyvaly pritek fantazii": (O romanticheskoy leksike v romane "Obryv") ["The unprecedented influx of fantasy" (On the romantic lexicon in the novel Precipice)]. *Russkaya rech'*. 3.
3. Zhilyakova, E.M. (1986) I.A. Goncharov i V. Skott (nekotorye nablyudeniya) [I.A. Goncharov and W. Scott (some observations)]. *Problemy metoda i zhanra*. 13.
4. Otradin, M.V. (1994) *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [The prose of I.A. Goncharov in a literary context]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Krasnoshchekova, E.A. (1997) *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Goncharov: The world of creativity]. St. Petersburg: Pushkin Foundation Pushkinskiy fond.
6. Vasil'eva, S.A. (1998) *Filosofiya istorii v knige I.A. Goncharova "Fregat "Pallada" "* [The philosophy of history in I.A. Goncharov's *The Frigate Pallada*]. Philology Cand. Diss. Tver.
7. Goncharov, I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
8. Ginzburg, L.Ya. (1927) Iz literaturnoy istorii Benediktova. Belinskiy i Benediktov [From the literary history of Benediktov. Belinsky and Benediktov]. In: *Poetika* [Poetics]. Leningrad: Academia.
9. Ginzburg L.Ya. (1939) O meste i znachenii poezii Benediktova v russkoy literature [The place and significance of Benediktov's poetry in Russian literature]. In: Benediktov, V.G. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Biblioteka poeta.
10. Belinsky, V.G. (1953) *Poln. sobr. soch.: v 4 t.* [Complete Works: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
11. Goncharov, I.A. (1952) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Moscow: Pravda.
12. Benediktov, V.G. (1939) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
13. Benediktov, V.G. (1856) *Stikhotvoreniya 1835–1842: v 3 t.* [Poems of 1835–1842: in 3 vols]. St. Petersburg: Tipografiya Krylovskoy.
14. Goncharov, I.A. (1955) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: GIKhL.
15. Zhukovsky, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
16. Rybasov, A.P. (1957) *Goncharov I.A.* [Ivan Goncharov]. Moscow: Molodaya gvardiya.
17. Bachelard, G. (1998) *Voda i grezy. Opyt o voobrazhenii materii* [Water and Dreams. The experience of the imagination of matter]. Translated from French by B.M. Skuratov. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
18. Toporov, V.N. (1993) *Eney – chelovek sud'by* [Aeneas as a man of destiny]. Moscow: Radiks.

Received: 18 February 2016